

— До начала пермского времени никакого Урала не было, а был Уральский океан, на западе переходящий в мелководное море. Когда возникли горы, они начали разрушаться и подсыпать терригенный материал на запад. Он разносился до нижнепермского рифового барьера, разгородившего море. Между Уралом и барьером образовалось что-то вроде иловой впадины — «фабрики нефти». Эта нефть заполняла верхушки рифов. Урал рос, и вся эта система с новым, более молодым барьером смещалась на запад.

— Но ты лучше меня знаешь, что у нас в отличие от Башкортостана нет солевой крышки. Эту нефть только соль может спасти от разрушения.

— Да, но у нас была нефть на Кордоне в скважине 23. Была нефть в Тулумбасах в 16-м номере. Если бы Лев Благинных знал пермские слои, как я, он мог бы пробить мощную тему...

Так бывает иногда: Витя ушёл из палеонтологии в аэрологическую экспедицию, работавшую на поиски «аномалий» — нефтяных ловушек, прилегающих к ЛМЗ — линейным мобильным зонам. Шутили: «ЛМЗ — это такой элемент аэрокосмических снимков, который дешифровщику не удалось отождествить ни с шоссе, ни с грунтовой, ни с просёлочной дорогой».

Записи с заседания комиссии по приёму аномалий:

— Почему я не вижу эту аномалию?

— Я вам мои глаза не вставлю.

— Где Хурсик?

— Пошёл искать аномалию.

— Виталий Захаревич, где аномалия? Мы должны понимать друг друга, поглядев в глаза... Шершнёву. Ему работать на этой аномалии.

История открытия пермского периода, шестого снизу в истории Земли, заинтересовала меня в первый рабочий день на пермской земле. В курилке ГПК я услышал:

— А родом этот Мэрчисон из Шотландии. Нам Герасимов читал общую геологию, указкой лупил по столу: «Ох и шалопай был этот Родерик в юно-

сти! Если бы не жена Шарлотта, так бы и гонял красных лисиц с собаками по всей Британии! Шарлотта заставила его полезным делом заняться — геологией. Открыл силур — раз! — Николай Палыч загибал палец. — Девон — два! Пермь — три! — Три периода из двенадцати! — Мощным ударом припечатывал загнутые пальцы. — Великий дилетант!

ЕСТЬ ТРИ ЗВУКА
ОТ УДАРА ПО КАМНЮ
МОЛОТКОМ.

ПИФФ-ПАФФ-ПУФФ.

ПИФФ — ГРАНИТ.

ПАФФ — ИЗВЕСТНЯК

ИЛИ ПЕСЧАНИК.

ПУФФ — СЛЫШНО,

КАК ЗВУК ТОНЕТ В ГЛИНЕ

Позже я рассказал эту историю Вите. Он покачал головой.

— Да вовсе не Мэрчисон открыл пермский период.

— Вот как! А кто же?

— Слушай сюда. В Британии есть old red sandstone — древний красный песчаник, «олд ред» — девон, четвёртая снизу глава книги Земли. И в Европейской России есть громадное пространство, где на поверхности обнажаются красноцветы и пестроцветы, — то, что сейчас мы называем «главным пермским полем». Наши геологи хватали друг друга за грудки — Эйхвальд говорил, что это копия — британский девон, а Гельмерсен называл красноцветы «новым красным песчаником», то есть залегающим много выше девона.

В маленьком баварском городке Бамберге патриарх европейской геологии фон Бух склонился к тому, что прав Эйхвальд. Он посоветовал энергичному шотландцу Родерику Мэрчисону поехать в Россию, на «Русскую плиту», где слои лежат спокойно, подобно стопке салфеток на столе.

Весной 1840 года из Лондона в Петербург отправилась международная команда геологов. Только с одним чело-

веком из команды Мэрчисон расстался. Запомним его фамилию — Мейендорф.

Начальник Горного корпуса генерал Чевкин Константин Владимирович вызвал своего любимца выпускника Колю Кокшарова и объявил:

— Николай Иванович, мой друг, вам предстоит ознакомиться с тем, как работают знаменитые западные геологи и палеонтологи. Действуйте к чести русского имени.

— Начинается детектив.

— Именно так.

В комнату заглянул Лёва Благинных.

— Витя, едем на рыбалку? Тебя, рыбак-теоретик, я не спрашиваю.

— Холодно. Минус 37.

— Они обещали к пятнице повысить до 21 градуса.

— Тогда нужно добывать мотыля.

Какая рыбалка? История русских экспедиций Мэрчисона захватила меня.

Генерал Чевкин был дальновидным человеком. Он понимал практическое значение минералогии. Но он знал, что самое главное в геологии — стратиграфия, точное знание положения слоёв, что выше, что ниже. Для этого нужны грамотные палеонтологи. Многие не понимали образа мыслей генерала. Как же так: вместо того чтобы искать золото, медь, железо, платину, алмазы, аметисты и прочее, надо тратить деньги и время на изучение, казалось бы, никому не нужных окаменелостей!

Чевкин хотел именно Кокшарова направить по палеонтологической стезе. А тот, к сожалению, всё свободное время отдавал минералам и все деньги тратил на их приобретение у горного аптекаря Каммерера. Как и все знатоки, трясся над своими камнями, берёт их от чужого глаза.

Да, сыск камней более всего занимал молодого горного офицера. Да это и не удивительно. Его отец был управляющим Берёзовскими золотыми приисками, что в 15 верстах от Екатеринбурга.

В «русском походе», как Мэрчисон называл свою экспедицию, Кокшаров сдружился с любителем музыки французом де Вернейлем. Оба не могли жить